

кормили и во вшеляких подданских повинностях з громадою конечно тягнули...” [4,75-76].

Багато посполитих і самих козаків переходять жити на „слободи”. Хоча дозволялося осаджувати слободи людьми зайшлими, але вони заселялися здебільшого місцевою людністю, яка воліла хоч не надовго вибитися з підданства. Осадження слобод було доступне лише великим землевласникам – старшині й монастирям.

Таким чином, гетьман І. Мазепа своєю соціальною політикою намагався зміцнити становище широких верств козацтва як захисників Козацької держави. Своїми універсалами він прагнув врегулювати відносини між селянами і старшиною аби обмежити визиск найширшої соціальної верстви. Йому вдалося обмежити панщину селян двома днями на тиждень, заборонити працю селян на спорудженні фортець, упорядкувати грошовий чинш, як і натуральні повинності. Однак зняти повністю соціальну напругу не вдалося, оскільки старшина бачила в особі селян своїх підлеглих і головне – джерелом робочої сили та зростання свого багатства. Тож доводилося гетьману гамувати соціальну напругу в державі не тільки адміністративними, але й силовими методами. Це, звичайно, підривало імідж гетьмана серед селянства й бідного козацтва. Пізніше це негативно відбилося на державотворчій діяльності І. Мазепи, особливо в боротьбі за незалежність України.

1. Бойко О. *Історія України*. – К., 1999.
2. Михальчук П. *Історія України*. – Тернопіль, – 2003.
3. Субтельний О. *Україна: Історія*. – К., 1993.
4. *Доба гетьмана І. Мазепи в документах*. – К., 2007.
5. Оглоблин О. *Гетьман Іван Мазепа та його доба*. – Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001.
6. *Листи гетьмана Івана Мазепи (1687–1691 рр.) із Російського державного архіву давніх актів (Інститут рукопису НБУВ м. Київ): Лист І.С. Мазепи до Війська Запорозького Низового про проведення воєнних дій проти татар і турків від 20 червня 1688 р.* – Ф. 124, оп. 1, 1688, спр. 70.
7. *Універсали Івана Мазепи / Упорядник І. Бутич*. – К., 2003.
8. Заруба В. *Студії з історії України*. – К., 1995.

Н.А. Милешина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ст.

В условиях экономической модернизации современной России одним из самых сложных и дискуссионных остается вопрос о земле и аграрных отношениях. Без всестороннего исследования аграрной истории невозможно объективное понимание социальных и политических процессов, общественной жизни и мировоззрения россиян. В этой связи особый интерес представляет изучение помещичьего хозяйства второй половины XVIII в. – эпохи качественных изменений во всех сферах российского общества, „золотого века” дворянства. В этот период монопольное владение землей создавало материальную базу экономического и политического могущества высшего сословия.

Дворянское поместье составляло незаменимую часть всей социально-экономической жизни государства. Оно соединяло в единое целое господское хозяйство и хозяйство зависимых крестьян и оказывало непосредственное влияние на экономику в целом. Не случайно поставленная проблема традиционно привлекала внимание исследователей.

В дореволюционной историографии в трактовке природы феодальной собственности преобладал формально-юридический подход, изучение правовых аспектов землевладения, отношений верховной власти и дворянства, а также недооценка значения социально-экономических факторов. В советской историографии помещичье хозяйство изучалось, преимущественно, в рамках общей проблемы разложения и кризиса феодально-крепостнической системы и на основе марксистской теории общественно-экономических формаций. Начиная со второй половины 1980-х гг. наметилась тенденция к исследованию эволюции феодальной собственности на землю, количественного и историко-географического аспекта дворянской земельной собственности (Я. Е. Водарский) [1], региональных особенностей помещичьего землевладения (Л.С. Зудина [2], О.В. Сизова [3]). При этом экономические проблемы помещичьего хозяйства, в том числе и второй половины XVIII в., пока не были предметом специального изучения исследователей.

В условиях становления рыночных отношений во второй половине XVIII в. основной экономической проблемой высшего сословия была низкая доходность поместья. До 1762 г. большую часть жизни дворяне посвящали обязательной для них службе. Соответственно, владения дворянина, по сути, оставались без хозяина и разорялись: „Свет мой, Григорий Львович, как быть нам с такою бедностью... как можно постарайся в отставку или хотя на время в доме своём появйтца” [4, 1]. Получив долгожданное освобождение от службы, провозглашенное Манифестом 1762 г. „О вольности дворянской”, помещики заставляли свои деревни в весьма запущенном состоянии: „Прежние наши пруды показались мне тогда сухими лужицами, строение все обветшалым, слишком малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское...” [5, 388].

Проблема нерентабельности поместий сохранилась и во второй половине XVIII столетия. Примеры нового хозяйствования не были типичными. По выражению К.В. Сивкова, „громадное большинство помещиков думало, что можно ограничиться паллиативами, что надо только, так сказать, „подтянуть” вотчинную администрацию и крестьян...” [6, 241]. Поэтому многочисленные свидетельства противоречий помещиков и крестьян, неповиновения последних так распространены в источниках.

Разорявшиеся помещики нередко закладывали свои имения, что, как правило, только усугубляло их бедственное положение. В челобитной полковника Родиона Родионова сына высказывается намерение „занять московского воспитательного дома из опекунского совета тысяч до 20 рублёв” на выплату долгов по многочисленным закладным, вдова Пелагея Грецова закладывала движимое и

недвижимое своё имение в Суздальском уезде „в деревне Сафроновой... в которой мужеска пола 61 душа”, а бригадирша Аграфена Алексеева – несколько деревень в разных уездах [7, 1]. Только в Саратовской денежной казне на 1 января 1799 г. было заложено имений на общую сумму 37102 р. 29 к. [8, 22]. При этом большинство дворян утверждало, что „не хочитца упустить землю” [9, 2].

Заклад имений только увеличивал долги разоряющихся помещиков. Граф Григорий Чернышёв, владелец 1645 душ крестьян, после смерти оставил долгов на общую сумму 16356 рублей [10, 44]. Пётр Талызин, владелец имений в четырех губерниях, оставил жене после смерти столько долгов, что „с предоставленных ей деревень доходов не только уплатить, но даже и процентами займодавцев удовлетворить было невозможно” [11, 1].

Не имея возможности себя содержать, многие помещики были вынуждены возобновить службу. В этом отношении показателен указ от 1 июля 1788 г. „Об определении в военную службу из Дворянских фамилий...”, изданный „...в рассуждении, что в Тверской и Новгородской губерниях живут целыми селениями Дворянския фамилии, кои, по недостатку своему, не имея за собою крестьян, упражняются сами в хлебопашестве...” [12, 1668].

Поскольку помещики во второй половине XVIII в. наследовали свои владения от отцов, а последним нередко приходилось завещать свои имения сразу нескольким сыновьям, то одной из самых острых проблем дворянства была нехватка земель: „У отца моего был родной брат... Деревня же и люди отцовские разделены были во всех местах пополам” [13, 4]. Д. И. Дубовицкий после смерти отца по разделу с матерью, сёстрами и братьями получил всего 7 душ м.п. крестьян [14, 35].

Ситуацию ухудшало ещё и то, что между помещичьими владениями не было чётких границ, начатое ещё Елизаветой Петровной межевание земель затянулось на несколько десятилетий: „Отсутствие в XVIII в. точно установленных межевых границ открывало бесконечный простор для всякого рода земельных споров и тяжб. Инструментального размежевания в то время ещё не было учинено; межи определялись естественными или искусственными признаками: нередко по разливу воды, по лёту птиц, „коровьему рыку” или „куда соха, коса и топор ходили” [15, 231]. Источники изобилуют сведениями о многочисленных „драках за землю” и спорах между помещиками, порождённых стремлением каждого владельца расширить свои угодья: „Драки за землю (при императрице Елизавете Петровне) и всякия убийства... бывали, где сам помещик соучастником был, и около 20 человек тут побито было” [16, 13].

До секуляризации церковных земель, проведенной в 1762 г., имели место и земельные споры дворянства с духовенством [17, 1]. Челобитные помещиков содержат сведения о „спорах на имение” не только просто соседей, но и родственников. До каких крайностей доходили подобные тяжбы, показывает письмо некой дворянки своей дочери: „Долго ли тебе беспутная надо мною смеятца по какому праву не даёшь моё оставленное у тебя имение. Ёта в свете не слыхана... думаешь грубостями меня уморить и завладеть моим имением ты не имешь ни стыда ни

совести... ежели что удержишь то будешь проклята... навеки...” [18, 1].

Ещё одной серьёзной проблемой, с которой сталкивались помещики в своих владениях, была также весьма распространённая в изучаемый период „чрезполощина”: „... Все сии земли не одному принадлежат в собственность, но разным и в селении моём существует чрезполосное владение” [19, 3]. Некая деревня Стоянцева Суздальского уезда состояла „в общем владении артиллерии капитана Григория Алексеева сына Бартенева жены его Надежды Ивановой дочери флигель адъютанта Кирилы Федорова сына Тухачевского...” [20, 1]. В одном только селе Оржевка Кирсановского уезда Тверской губернии, по воспоминаниям А. Пищевича, было „домов 15 дворянства” [21, 169].

Однако, несмотря то, что большинство дворянских владений по-прежнему носило полунатуральный характер, с рынком было связано слабо, многие помещики учились во второй половине XVIII в. хозяйствовать по-новому. О расширении агротехнических и зоотехнических познаний помещиков и возрастании их интереса к каждой детали своего хозяйства свидетельствуют и их наказы управителям. Здесь даются указания, как унавоживать пашню, высевать рожь и пшеницу, бороться с сорняками, указываются сроки посева и жатвы, ограничивается барщина.

С появлением Вольного экономического общества, распространением сельскохозяйственного опыта, предприимчивых помещиков становится всё больше. Известно опытное хозяйство А. Т. Болотова, которое он создал в своём имении Дворяниново. Андрей Тимофеевич по праву считается не только основателем сельскохозяйственной науки, но и активным распространителем своего опыта. Одни только бологовские „Изображения и описания разных пород яблок и груш”, „родящихся” в Дворянинове, состоят из 8 собраний, в среднем по 200 листов каждое [22]. Тверской помещик А. С. Баклановский проводил и фиксировал эксперименты по выращиванию различных сортов растений и овощей, селекционным работам по отбору семенного фонда и т.п. [23, 153, 360 об.] В. Приклонский, другой тверской помещик, практиковал в своей деревне посев английской пшеницы, картофеля и продавал излишки хлеба и мяса.

В целом, несмотря на усиление роли товарно-денежных отношений во второй половине XVIII века помещичье хозяйство оставалось связанным господством феодально-крепостного строя, крепостными формами труда. Основными экономическими проблемами владельца поместья в изучаемый период были низкая доходность поместья, чересполосица, незавершенность межевания земель, неэффективность крепостнических методов управления. Заклад имений оказался тупиковым путем приспособления дворян к новым социально-экономическим условиям и привел в последующем к постепенной утрате „благородным” сословием ведущей роли в политических и экономических структурах дореволюционной России.

1. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в XVII – первой половине XIX вв. (Размеры и

- размещение). – М., 1988.
2. Зудина Л. С. *Дворянское землевладение во второй половине XVIII века (По материалам Московской, Костромской и Воронежской губерний): дисс. ... канд. ист. наук.* – М., 1986.
 3. Сизова О. В. *Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII-первой половине XIX веков: дисс. ... канд. ист. наук.* – Ярославль, 1999.
 4. *Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА).* – Ф. 1393. – Оп. 1. – Д. 2.
 5. Болотов А. Т. *Жизнь Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков.* – СПб., 1871 – 1873. – Т. 1.
 6. Сивков К. В. *Наказы управителям XVIII века как источник для истории сельского хозяйства в России // Академику Б.Д Грекову ко дню 70-летия.* Сб. – М.; Л, 1952.
 7. РГАДА. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 13469.
 8. Подъяпольская Е. П. *К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII столетия.* – Б/м, б/г.
 9. РГАДА. – Ф. 1271. – Оп. 1. – Д. 1211.
 10. РГАДА. – Ф. 1271. – Оп. 1. – Д. 48.
 11. РГАДА. – Ф. 1281. – Оп. 1. – Д. 389.
 12. *Полное собрание законов Российской Империи.* – СПб., 1830. – Т. 22.
 13. РГАДА. – Ф. 1467. – Оп. 1. – Д. 139.
 14. Крупин Е.Н. *Род дворян Дубовицких. Рязанский родословец.* – Рязань, 1996.
 15. Кошкарров В. *Калужская провинция // Русский архив.* – 1870. – № 2.
 16. *Архаровы (Из памятных записей А.А. Васильчикова внука И.П. Архарова) // Русский архив.* – 1909. – № 1.
 17. РГАДА. – Ф. 1395. – Оп. 1. – Д. 164.
 18. РГАДА. – Ф. 1393. – Оп. 1. – Д. 4.
 19. *Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – ОР РГБ).* – Ф. 423. – Оп. 1. – Д. 3.
 20. РГАДА. – Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 9776.
 21. Пишчевич А. *Жизнь Александра Пишчевича, им самим описанная (1764 – 1805) // Чтения Общества истории Древней Руси.* – 1885. – Кн. 1.
 22. ОР РГБ. – Ф. 475. – Оп. 1. – Д. 1–4, 6–8.
 23. РГАДА. – Ф. 1467. – Оп. 1. – Д. 1644.

Ю. М. Михайлюк

ТАТАРСЬКІ НАБІГИ НА ЗЕМЛІ ПІВДЕННОЇ КИЇВЩИНИ В ОСТАННІЙ ЧВЕРТІ XV – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ XVI СТ.

Від моменту входження українських земель до складу Великого князівства Литовського (далі – ВКЛ) відносини з татарами носили суперечливий характер і, зазвичай, позначалися збройною агресією кочівників насамперед на терени Південної Київщини. Татарські набіги негативно впливали на становище місцевих мешканців, систему державного управління в краї та обороноздатність південних рубежів Литовської держави.

Проблема нападів степовиків в литовську добу на українські землі неодноразово була предметом наукових розвідок. У їх числі насамперед заслуговують на увагу праці М. Грушевського [1], П. Клепацького [2], В. Панашенко [3], А. Чабана [4], В. Ластовського [5], Б. Черкаса [6, 7] тощо. Однак у дослідженнях цих авторів переслідувалися різні цілі, тому там присутні розбіжності у географічних межах вивчення проблеми, різна глибина студювання матеріалу, занадто вузькі або надміру

узагальнені підходи до висвітлення окресленої нами теми тощо. Натомість питання про татарські набіги власне на терени Південної Київщини в останній чверті XV – першій половині XVI ст. окремо не досліджувалося.

Розкриваючи означену тему, вбачаємо за необхідне зосередити увагу на таких її аспектах, як причини та наслідки татарської агресії на землі Південної Київщини, найрезонансніші факти татарських нападів та протидія їм місцевих старост.

Дослідження причинного аспекту пропонованої теми приводить до думки, що кримсько-татарська агресія була зумовлена рядом різноманітних чинників. Перекопські хани традиційно трактували її як відповідь на козацькі „шкоди” татарським чабанам та послам [8, 21–23, 61–62]. Подекуди посилалися й на самовільні дії своїх підопічних, але знову ж таки, кваліфікуючи їх як помсту за козацьку сваволу [8, 84–85]. Аналіз джерел дає підстави частково сприйняти такий аргумент.

Проте справжні причини політики широкомасштабної експансії, розорення та знелюднення значних обширів українських земель мали більш глибинний характер. Гадаємо, такими засобами владна еліта Кримського ханства прагнула розширити володіння за рахунок втраченої свого часу південноукраїнської території. Вагомим імпульсом у їх намаганнях було усвідомлення династією Гіреїв себе законними спадкоємцями золотоординських ханів, що було свого роду „узакононням” претензій на територію, що входили колись до складу Золотої Орди. Саме тому хани розцінювали, зокрема, Київ і Черкаси як „города наши испоконь века”. Якраз такої мотивації дотримувався Мухамед-Гірей 1519 р., намовляючи великого князя московського Василя III Івановича захопити Київ і Черкаси та відновити історичну справедливість, передавши ці міста під його владу [9, 631]. Щоправда, той план так і не вийшов за межі власне намірів. Однак ще до цього ханат уже на початковому етапі своєї експансії фактично взяв під контроль чималу частину степового Правобережжя, закріпивши свій успіх побудою в пониззі Дніпра ряду фортець [3, 114–115; 6, 31].

Ситуація ускладнилася й через зовнішньополітичні розбіжності між Литвою і Кримом. Литовський князь Казимир Ягелончик налагодив контакти із Великою (Заволзькою) Ордою, котра перебувала у традиційній неприязні до Кримського ханства. Натомість кримський володар Менглі-Гірей уклав із московським князем Іваном III угоду про спільні дії проти ВКЛ і Великої Орди [1, 321–324; 10, 142–143]. У цих умовах важливим чинником нарощення конфронтації стала політика регулярного підбурювання московськими князями ногайських мурз та кримського хана не примирятися з великим князем литовським, здійснювати як самостійні, так і спільні напади на литовські володіння, у тому числі й з метою підтвердити, що „...сь литовскимъ съ своимъ и съ моимъ недругомъ не миришся” [9, 1–2; 11, 167, 200–201].

Суттєву роль у визначенні напрямку татарських набігів зіграли також демографічні, природно-кліматичні та економічні фактори. Кочове населення, зазвичай, відзначалося досить високим природним приростом. У середині XVI ст., за деякими даними, у Кримському ханстві мешкало близько 150 тис. осіб.